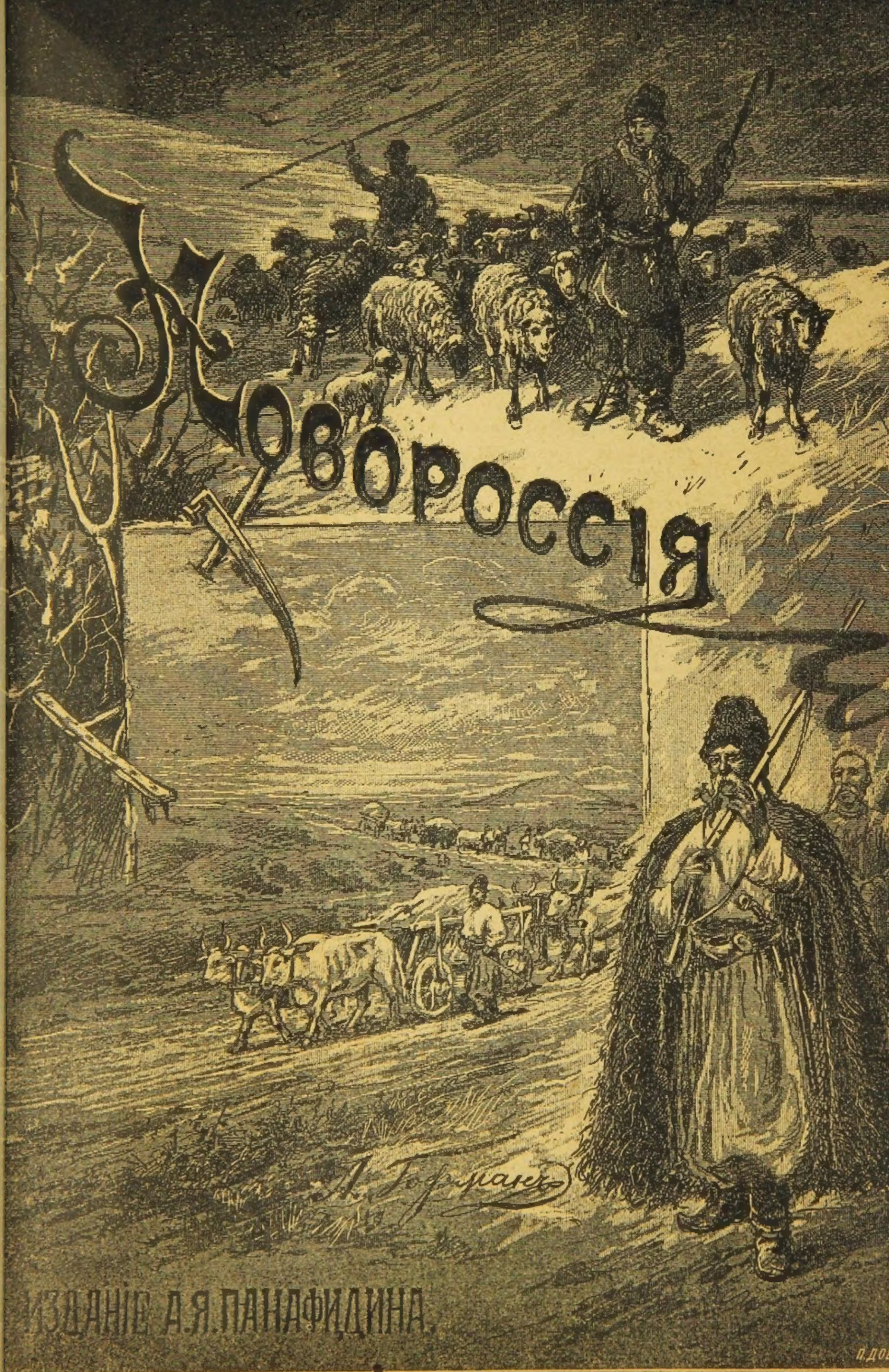
Новороссія
А. Гофманъ
ИЗДАНІЕ А.Я. ПАНАФИДИНА.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ СПЕЦІАЛЬНО ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

А. Я. ПАНАФИДИНА.

Москва, Покровка, Лялинъ пер., соб. д., № 11—13.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

П. Смирновскій. Русская хрестоматія. Часть ПЕРВАЯ. Изд. 12-е. СПБ. 1897 г. Цѣна въ переплетѣ 85 к.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Группа I. Повѣствованія.

Сказки. 1. Лиса и волкъ.—**2.** Царевичъ-найденышъ.—**3.** Нужда.—**4.** Правда и кривда.—**5.** Морозко.—**6.** Сивка-бурка.—**7.** Хрустальная гора.—**8.** Снѣгурка. **Максимовича.**—**9.** Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. **А. Пушкина.**—**10.** Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ. **А. Пушкина.**—**11.** Сказочное царство. **А. Пушкина.**—**12.** Война мышей и лягушекъ. **Жуковскаго.**

Группа II (Рядъ α) [1]).

I. Изъ сочиненія С. Аксакова: „Дѣтскіе годы Багрова внука". 1. Первыя воспоминанія.—2. Мать и больное дитя. — 3. Выздоровленіе. — 4. Сурка.—5. Жизнь въ Уфѣ.—6. Неожиданный благодѣтель.—7. Причины отъѣзда изъ Уфы.—8. На рѣкѣ Бѣлой.—9. Первая кормежка. — 10. Ночевка въ полѣ.—11. На рѣкѣ Демѣ.—12. Встрѣча въ Парашинѣ.—13. Прогулка по Парашину и его окрестностямъ.—14. Отъ Парашина до Багрова.— 15. Какъ былъ проведенъ первый вечеръ въ Багровѣ. — 16. Отъѣздъ отца и матери въ Оренбургъ.—17. Пребываніе въ Багровѣ безъ отца и матери. — 18. Возвращеніе отца и матери изъ Оренбурга.— 19. Отъѣздъ изъ Багрова и обратная дорога въ Уфу. — 20. Встрѣча въ Уфѣ. — 21. Первые уроки рисованія у дяди.— 22. Сергѣевка. — 23. Рыбная ловля въ Сергѣевкѣ. — 24. Отъѣздъ изъ Сергѣевки.—25. Переѣздъ на постоянное житье въ Багрово.—26. Первая весна въ деревнѣ.—27. Весною въ полѣ.—28. На сѣнокосѣ.—29. Лѣтнія занятія.—30. Зимняя поѣздка въ Чурасово.— 31. Поѣздка въ Казань.

II. Изъ „Воспоминаній" С. Аксакова. 1. Я—будущій гимназистъ.—2. Приготовленіе къ поступленію въ гимназію.—3. Поступленіе въ гимназію.—4. Самоотверженіе матери.—5. Свиданіе съ матерью. — 6. Отпускъ и отъѣздъ въ деревню.—7. Въ дорогѣ.

---

1) О значеніи этого подраздѣленія на группы и ряды. См. въ моей брошюрѣ *„О курсѣ чтенія"*...

- 10 -

ГДѢ НА РУСИ КАКОЙ НАРОДЪ ЖИВЕТЪ

И

ЧѢМЪ ПРОМЫШЛЯЕТЪ?

БОГАТЫЯ СТЕПИ

(НОВОРОССІЯ).

Н. А. Александрова.

МОСКВА.

Собственность книжной торговли спеціально для иногородныхъ **А. Я. Панафидина**, Москва, Покровка, Лялинъ пер., соб. д., № 11—13.

1898.

Дозволено цензурою. Москва, 6 сентября 1897 г.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 30139 1979г.

Типо-литографія И. Я. Полякова, Покровка, Лялинъ пер., д. № 13.

БОГАТЫЯ СТЕПИ

(НОВОРОССІЯ).

„Здѣсь бѣглыми земля стала. Не будь ихъ—ничего бы и не было: ни Донщины, ни Черноморщины, ни пресловутой былой Запорожской земли, ни всей этой вѣковѣчной гостепріимной царины *), по которой стремятся съ сѣвера и изъ другихъ мѣстъ за волею и люди, и звѣри, и птицы!“

„Бѣглые въ Новороссіи“ Г. П. Данилевскаго.

Къ югу отъ Малороссіи къ морямъ Черному и Азовскому, между рѣками Бугомъ и Дономъ тянется безграничная степь, которая когда то называлась нагайско-татарской, такъ какъ по ней кочевали нагайцы изъ за Дона и татары изъ Крыма. Теперь эту степь всецѣло заняли губерніи: Херсонская, Екатеринославская и часть Таврической.

Въ старину по этой степи только вѣтеръ пустынный бродилъ, а произростали бурьянъ, ковыль, чертополохъ да перекати-поле; и шла она вправо и влѣво, изрѣдка волнуясь и склоняясь погорѣлыми отъ зноя травами, камышами и песчаными косами,

*) Царина,—степь, не тронутая еще плугомъ.

къ синему, ярко горѣвшему морю. Здѣсь, по преземистой травѣ, мелькали высокіе свѣтложолтые, синіе и красные цвѣты, сплошь заливая собою необозримыя поляны. Какъ бы вы не смотрѣли и куда-бы не кинули напряженный взоръ,—одни поля да голубые холмы у небосклона. Холмы эти, — это могилы либо казаковъ, либо давнихъ, очень давнихъ народовъ, извѣстныхъ намъ по историческимъ преданіямъ. По дикимъ, плугомъ не тронутымъ пустырямъ, ходили здѣсь по этой степи безчисленныя стаи дрофъ, пестрые аисты; въ небѣ же высоко плавали коршуны и орлы, да широко повсюду разносился во всѣ стороны вѣчный свистъ, стонъ и шорохъ степи.

На такомъ то дикомъ привольи нагайцы и татары пасли свои табуны и стада, нападая иногда на малорусскія или украинскія границы, откуда въ свою очередь тѣснили ихъ казаки, бѣгущіе съ Украйны то отъ ига поляковъ, то недовольные своими правителями или гетманами.

Первымъ и самымъ сильнымъ казацкимъ поселкомъ въ этой степи, была на берегахъ Днѣпра, такъ называемая Запорожская Сѣчь, устроившая свой казацкій станъ за днѣпровскими порогами. Эта воинственная вольница страшна была не только нагайцамъ и татарамъ, но даже туркамъ и полякамъ. На утлыхъ ладьяхъ запорожцы переплывали бурное Черное море и осаждали Синопъ, Трапизондъ, доходя воинственно даже до Константинополя. Разъ какъ то турецкій султанъ задумалъ было уничтожить Запорожское войско и ра-

зорить до тла ихъ главное становище—Сѣчь, но запорожцы дали такой отпоръ, послѣ котораго и султанъ уже ихъ не трогалъ.

Они жили, какъ воинство, безъ женщинъ, по Днѣпру и его притокамъ; жили въ куреняхъ, и Сѣчь,—эта главная ихъ стоянка, или какъ тогда называлась к о ш ъ, состояла изъ сорока куреней, или большихъ длинныхъ избъ, въ видѣ казармъ, среди которыхъ на площади высилась церковь. Курени эти съ церковью, занимая девятьсотъ саженъ въ окружности, обнесены были высокимъ валомъ съ бойницами и башнями, между которыми продѣланы были узенькія дверцы или п р о л а з ы для выхода за водой на рѣку. Въ куреняхъ помѣщалось отъ тридцати до полутораста человѣкъ.

Султанъ собралъ пятнадцать тысячъ отборныхъ янычаръ и послалъ ихъ крымскому хану съ тою цѣлью, чтобы тотъ вмѣстѣ съ своей ордой выбилъ запорожцевъ изъ Сѣчи и истребилъ ихъ до единаго. Ханъ съ янычарами и съ своей сорокатысячной ордой, какъ разъ на Рождество, когда запорожцы справляютъ праздники и предаются разгулу, тайно ночью, съ помощью подкупа, провелъ въ самую Сѣчь всѣхъ янычаръ, а самъ съ своей ордой окружилъ Сѣчь со всѣхъ сторонъ. Янычары, столпившись густо по всѣмъ улицамъ и переулкамъ Сѣчи, сразу не знали, какъ приступить къ дѣлу, а тѣмъ временемъ въ одномъ изъ оконъ куреня запорожцы ихъ замѣтили, и мигомъ отовсюду стали стрѣлять. Стрѣляли въ

нихъ въ упоръ, какъ въ мишень; они-же за толкотней и тѣснотой пускали свои заряды въ воздухъ, и падали убитые одинъ на другого, пока запорожцы не выскочили изъ куреней и не стали добивать ихъ въ рукопашную. Ханъ, узнавши объ этомъ, взвылъ, какъ волкъ, подобно Мамаю, побѣжденному русскими на Куликовомъ полѣ и бросился бѣжать, спасая свою орду. Изъ пятнадцати тысячъ янычаръ ушло изъ Сѣчи не болѣе какъ полторы тысячи. Но этимъ дѣло не кончилось, и, чтобы наказать хана за его злой умыселъ и набѣгъ, запорожцы въ томъ же году собрались въ Сѣчь изъ дальнихъ и ближнихъ степныхъ вѣтокъ и рѣчекъ, гдѣ постоянно жило все войско, и въ отборномъ числѣ двадцати тысячъ напали на Крымъ. Они разграбили всѣ города, даже столицу хана Бахчисарай, а когда ханъ удалившись въ горы, собралъ свое войско, и затѣмъ пошелъ въ обходъ запорожцевъ, чтобы не выпустить ихъ изъ Крыма, онъ попалъ въ ловушку. Думая, что на границѣ Крыма нѣтъ запорожцевъ, онъ встрѣтился тамъ неожиданно съ ними и вступилъ въ сраженіе, при которомъ позади его показались войска съ его ханскими знаменами. Обрадовавшись такому подкрѣпленію, онъ смѣло ударилъ на запорожцевъ, но, уступая имъ въ отвагѣ, сталъ отступать, разсчитывая на подмогу сзади, какъ вдругъ позади себя увидѣлъ не свою орду, а возвращающихся съ его знаменами запорожцевъ, разорявшихъ Крымъ. Окруженная такимъ образомъ орда хана разсыпалась съ испугу по полямъ, и запо-

рожцы, гоняясь по полю за перепуганными татарами, нѣсколько тысячъ изъ нихъ убили, нѣсколько тысячъ забрали въ плѣнъ, за малымъ не поймавъ и самаго хана.

Турецкій султанъ однако и послѣ такой побѣды запорожцевъ не угомонился, и, желая показать запорожцамъ свое могущество, написалъ имъ: „султанъ Махмудъ IV запорожскимъ казакамъ въ 1680 году. Я, султанъ, сынъ Магомета, братъ солнца и луны, внукъ и намѣстникъ божій, владѣлецъ царствъ—македонскаго, вавилонскаго, іерусалимскаго, Великаго и Малаго Египта, царь надъ царями, властелинъ надъ властелинами, необыкновенный рыцарь, никѣмъ не побѣдимый, неотступный хранитель гроба Іисуса Христа, попечитель самаго Бога, надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ,—повелѣваю вамъ, запорожскіе казаки, сдаться мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія и меня вашими нападеніями не заставлять безпокоить. Султанъ Турецкій Махмудъ IV“. На это письмо запорожцы отвѣчали ему: „Запорожскіе казаки турецкому султану. „Ты шайтанъ (чортъ) турецкій, проклятаго чорта братъ и товарищъ, и самаго лыцаря секретарь! Якій (какой) ты въ чорта лыцарь (рыцарь)? Чортъ выкидае, а твое війско пожирае. Не будешь ты годенъ сынивъ христіанскихъ надъ собою мати (имѣть); твоего війска мы не боимось, землею и водою будемъ бытьца съ тобою. Вавилонскій ты кухарь, македонскій колесникъ, Іерусалимскій броварныкъ (пиво-

варъ), александрійскій козолупъ, Великаго и Малаго Египта свынарь, армянская свыня, татарскій сагайдакъ (козелъ), каминецкій котъ, подолянскій злодіюка, самаго гаспида (діавола) внукъ и всего свиту и подсвиту блазенъ (глупецъ), а нашего Бога дурень, свыняча морда, кобыляча с...а, ризныцька собака, нехрещеный лобъ, хай бы взявъ тебе чортъ! Оттакъ тоби козаки видказали, плюгавче (поганецъ)! Невгоденъ еси матери вирныхъ христіанъ. Числа не знаемъ, бо календаря не маемъ, мисяцъ у неби, годъ у кнызи, а день такій у насъ, якъ и у васъ, поцилуй за те ось куды насъ!.. Кошевой атаманъ Иванъ Сирко со всѣмъ коштомъ запорожскимъ.“

Такова была удалая, воинственная, первая русская вольница въ нагайско-татарскихъ степяхъ и таковы были первые наши поселки въ Новороссіи. Но эта вольница, кстати сказать, охраняя наши границы, занималась не одними набѣгами и удальствомъ; она промышляла и рыболовствомъ и скотоводствомъ; вела также и торговлю съ Крымомъ и Турціей. Казаки возили туда баранье сало, табакъ, снасти, пеньку, русскія полотна, дрова, точильные камни, уголь, сушеную рыбу, а вывозили греческія и аккерманскія вина, соль, сушеные плоды, растительное масло, сафьянъ, сѣдла, оружіе, свинецъ и другіе азіатскіе предметы.

Для перевозки этихъ товаровъ, а въ особенности соли изъ Крыма и рыбы съ Дона и Азовскаго моря, образовались изъ малороссійскихъ казаковъ особые перевозчики,—чумаки, которые шли изъ

Украйны въ Новороссію не то, какъ промышленники, не то—какъ вольные казаки „и денегъ добывать и славы заживать.“ Они все еще жили духомъ казаковъ-воиновъ, для которыхъ въ Малороссіи, подчинившейся Россіи, не было уже казацкаго дѣла. Тутъ-же, въ нагайской степи, подвергая себя разнымъ опасностямъ, они шли вооруженные валками и зачастую сражались съ нападающими на нихъ нагайцами и татарами. У Днѣпра они селились цѣлыми деревнями, точно также какъ и бѣглые казаки и запорожцы, недовольные своими гетманами. Они также населяли степь, то тамъ, то сямъ, создавая разные поселки и вытѣсняя со степи нагайцевъ и татаръ. „Ѣхалъ казакъ, говорятъ старинныя преданія, голодный, захудалый, обношенный, съ пищалью да съ котомкой за плечами по степной пустынѣ, и, миновавъ одно—другое лѣсное затишье, поднялся онъ на пригорокъ, и какъ окинулъ глазомъ Божію тихую уютную пустыню, сердце, у него такъ и замерло... Слѣзъ казакъ съ коня напоилъ его въ ключѣ, напился и самъ, а потомъ упалъ въ траву на колѣни и сказалъ: „быть тутъ поселку!.. И лучше мнѣ осѣсть у тебя мать-пустыня, въ сосѣдствѣ съ кабаномъ да съ волчицей, чѣмъ пропадать, какъ псу, за враговъ моихъ“... Срубилъ казакъ курень, сталъ звать къ себѣ товарищей на вольную-волюшку, и вокругъ его куреня появились другіе, а тамъ выстроился уже и поселокъ, а за нимъ слобода, неподалеку-же стали возникать и хутора. Чумакъ въ Новороссіи не

то что на Украйнѣ,—онъ тутъ плохой хлѣбопашецъ. Его только снѣгъ приковываетъ къ хатѣ; и тутъ онъ на зиму пристроитъ только своихъ воловъ для корма къ какому-либо винокуренному заводу, гдѣ ихъ кормятъ „бардой“, отчего волы тучнѣютъ и набираются силы, а самъ заберется на печь и смотритъ оттуда съ утра до вечера, какъ жена хлопочетъ по хозяйству.

— Ты печку затопила?—спрашиваетъ онъ жену, ощущая теплоту подъ собой.

— Затопила,—отвѣчаетъ она.

— А по воду пійдешь?

— Пійду.

— А на дворі холодно?

— Холодно.

— Ну, нехай-же (пусть) соби (себѣ) холодно!.. — замѣчаетъ чумакъ, переворачиваясь съ одного нагрѣтаго бока на другой и плотнѣе прижимается въ уголъ печи.

— Ахъ, ты, горе мені съ тобою!—восклицаетъ жена, ворочая и перебирая въ печи.

Но чумакъ на бабій крикъ и воркотню только отмалчивается, зная, что зима не долга, а съ весною покажетъ онъ бабѣ хвостъ,—пщи только!..

А зимой метели и вьюги въ степи, и какія только страсти не переживаетъ степь. То снѣгъ медленно опускается влажными хлопьями и за ночь замететъ всѣ дороги и села, то безъ устали летитъ откуда-то вѣтеръ и несетъ не то дождь, не то туманъ, не то снѣгъ, что-то все вмѣстѣ; то вдругъ поднимется „завирюха“, сухая и рѣз-

кая, кружа цѣлыя горы оледенѣлаго инея, точно избитое въ мелкія блестки стекло, а не то, такъ по безпредѣльной корѣ гололедицѣ, укрывшей степь, несутся полосами сухіе, стекольчатые вороха снѣга; и наконецъ, пойдетъ вдругъ и верхняя или воловая метель. Это уже самая страшная непогодь. Медленно, иногда въ нѣсколько дней, соберутся громадныя, сѣрыя тучи и облягутъ небо. Онѣ забѣлѣютъ, сдвинутся плотно, и вдругъ, снѣгъ хлынетъ, и весь свѣтъ исчезнетъ. Тогда, ни днемъ, ни ночью нѣтъ никому на степи спасенія. Въ сельскихъ церквахъ безостановочно звонятъ въ колокола, гдѣ есть ружья-стрѣляютъ, чтобы дать знать путникамъ о близости жилья: но и пѣшіе, и конные сбиваются обыкновенно съ дороги и зачастую недалеко отъ самаго жилья останавливаются на произволъ судьбы, и, засыпанные снѣгомъ, пробиваютъ въ снѣгу только отверстіе для дыханія и выставляютъ наружу какой либо шестъ, или особый знакъ, по которому ихъ могли бы послѣ метели отрыть и спасти. Быстрота этихъ метелей невообразимая,—они мигомъ засыпаютъ не только путниковъ, но цѣлые дворы, усадьбы и даже деревни. Въ такую-то вотъ непогодь чумакъ покуриваетъ на печи свою трубку, да смотритъ пристально то на стѣну, то въ потолокъ, то на полъ. Но зато, чуть пахнуло весной, чуть потянулъ съ юга знакомый теплый вѣтерокъ, какъ чумакъ уже на ногахъ. Вздымается у него высоко грудь, бойко онъ подтягиваетъ поясъ и говоритъ женѣ:

— А що, жинко, мабуть весна на дворі?

— Може й весна, — замѣчаетъ уже покорно и робко смиряющаяся жена.

Весна въ степи наступаетъ шумно и весело. Выйдешь въ полдень середь двора, и кругомъ послышится какое-то движеніе. Вдохнешь свѣжій воздухъ, и, кажется, точно хмѣль струится отовсюду. Каждый, входящій въ хату, вноситъ съ платьемъ свѣжесть и отъ его шапки, отъ полушубка пахнетъ весной. Она на югѣ приходитъ разомъ; подъ палящими лучами солнца все дымится, рушится, шумитъ, реветъ, и не замѣтишь, какъ за день улетучиваются въ парахъ сугробы и образуются снѣговые водопады, а прошла одна, другая ночь, и снѣгу какъ не бывало. Едва успѣли упасть съ крыши первые „капели“ (капли), какъ затаяли болота, заструились родники и повсюду все превратилось въ сверкающія воды. Въ одномъ мѣстѣ пронесся слухъ, что сорвало мостъ, въ другомъ затопило балку, то есть степной оврагъ; и деревня въ волненіи, такъ какъ балки очень опасны для переѣзда. Подъѣдешь къ ней, и она кажется почти пустой, на днѣ воды по колѣно, а въѣхалъ, и не успѣешь добраться до другого берега, какъ гдѣ-нибудь подмятый косогоръ прорвало, вода хлынула, затопила балку до краевъ, и возъ съ сѣдокомъ, всплывая и вертясь въ мутномъ потокѣ, уносится по теченію. За балками опять идутъ степныя рѣченки, и на нихъ несчастій не мало. Рѣченка, смотришь, грязная, ничтожная, лѣтомъ едва сочится въ тинѣ или между ка-

мышами, а тутъ разлилась и раскидывается версты на двѣ по лугамъ. Переѣзжаютъ тогда черезъ такую рѣченку на пловучихъ помостахъ, которые ходятъ не по канату, а отводятся на веслахъ выше по берегу и пускаются по теченію, при помощи руля. Водою выноситъ ихъ версты полторы или двѣ ниже, причемъ не обходится иногда безъ того, чтобы сколоченный наскоро помостъ не покачнулся и не упали съ него въ воду либо стогъ сѣна, либо испуганный шумомъ рѣки волъ, либо шапка зазѣвавшагося крестьянина. Самое-же вскрытіе рѣкъ встрѣчается въ деревняхъ, какъ праздникъ. И одѣваются всѣ точно въ праздникъ, да и земля вокругъ смотритъ уже по праздничному: всюду всходитъ зелень, тутъ-же и разцвѣтая, показываются голубые колокольчики, а за ними лиловый рясъ, а тамъ желтый редисъ, бѣлый ландышъ. По небу-же тянутся стаи журавлей, гуси кричатъ, стройно летя длинной вереницей, а тутъ прилетѣли и жаворонки, явились утки, ласточки, аисты, закуковала и кукушка, и лѣсной куликъ порхаетъ у корней еще обнаженныхъ деревьевъ; черезъ день-же, другой не узнаешь и сада,—зацвѣли яблони, вишня, груши, тернъ, черемуха, а еще день, и покрылись всѣ сады точно серебрянымъ покровомъ; и зажужитъ затѣмъ садъ пчелами, а потомъ свистомъ соловьиныхъ и не соловьиныхъ пѣсенъ. Но садовъ этихъ по степямъ Новороссіи вы сразу и не увидите,—они въ балкахъ, въ оврагахъ, гдѣ поселился съ Украйны казакъ, или чумакъ. Чтобы

добраться до его хутора, вы будете идти степью мимо озеръ, гдѣ то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ откликнется крикъ дикаго гуся или журавля, а направо и налѣво зеленѣютъ цвѣтущія деревья балки. Вы идете по этой балкѣ, или оврагу и, вотъ, на поворотѣ передъ вами колодезь, гдѣ прохожія стада поятся въ полдень и вечеромъ, а изъ-за косогора мелькаетъ какой-то шестъ и выставляется рогуля: то показываются верхи деревянныхъ „журавлей“ *), на колодцахъ хутора; еще скрытаго подъ горой въ оврагѣ. Но вотъ и самъ хуторъ. Это пять или шесть хатъ, въ разсыпку, торчатъ по откосамъ трехъ овраговъ, сошедшихся здѣсь въ одинъ огромный „логъ“. Между хатами-же взбираются на гору и идутъ книзу сады. На днѣ лога бѣлѣютъ тремя уступами три пруда, одинъ ниже другого, соединенные плотинами. Тропинка вьется съ вершины холма отъ трехъ мельницъ, ставшихъ по струнѣ рядомъ на вѣтрѣ, къ хатамъ. Изъ гущи одного садика выглядываетъ курень и ряды бѣлыхъ ульевъ. Дворъ загороженъ амбарами, сараями, клѣтями и погребомъ. Къ послѣднему примыкаетъ на столбахъ сажъ для откармливанья кабановъ. Къ особому загону для воловъ, содержимыхъ съ неимовѣрною заботливостью, пристроенъ навѣсъ, гдѣ свалены зимнія дровни, старые возы и всякія деревянныя хозяйственныя принадлежности. Средиже двора, правильною вереницею, стоятъ уже

*) Особый длинный рычагъ для подъема воды изъ колодца.

тридцать оснащенныхъ возовъ, готовыхъ отправиться въ путь. И чумаки весной заготовили свои фуры или возы, а казаки—пахари, живущіе въ такихъ-же хуторахъ, всѣ въ степи заготовляютъ тучную пашню.

Есть, однако, хутора и въ самой степи, а не въ балкахъ; и тѣ уже представляютъ иную, весьма печальную, картину. Тамъ передъ вами хата большею частью сложена изъ поздреватаго камня; заборы около хатъ сплетены изъ тростника, но чаще всего сдѣланы изъ того же камня. На нихъ обыкновенно лежатъ клочки налетѣвшей соломы и сушатся груды сѣровато-чернаго кизяка *). Подлѣ хаты выступаетъ спокойно, будто дома, дикій аистъ: гнѣздо его сплетено изъ прутьевъ и сухихъ травъ на кровлѣ хаты, и никто никогда не тронетъ его гнѣзда, такъ какъ по повѣрью оно предвѣщаетъ благополучіе. Кругомъ нигдѣ ни одного деревца, ни зеленаго куста, развѣ верба одинокая, — это уже чисто пустынный степной хуторъ.

Но не смотря и на такую непривлекательную картину, къ богатствамъ степи стекались разные люди издавна со всѣхъ странъ. Вслѣдъ за казаками мы видимъ грековъ, сербовъ, волоховъ, а потомъ пошли и колонисты нѣмцы; бѣглыми-же, какъ ужъ сказано выше, вся земля тутъ стала. Болѣе другихъ о заселеніи и процвѣтаніи Новороссіи заботилась Императрица Екатерина Великая

*) Топливо изъ навоза.

и ея любимецъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ. На запорожскихъ земляхъ, когда запорожцы ушли въ Черноморію на Кубань, ихъ мѣста, мало-помалу, начали заселять нѣмцы—меноиниты. Колоніи ихъ быстро поднимались, росли, богатѣли и до сихъ поръ считаются одними изъ лучшихъ хозяйствъ. А между тѣмъ нѣмцы пришли бѣднота-бѣднотой съ котомками за плечами; теперь же между ними насчитывается не одинъ милліонеръ. Жили они и живутъ, что богатые, что бѣдные,—всѣ почти одинаково. Въ ихъ жильяхъ, подъ одной связью съ домомъ, помѣщаются — конюшни, коровники, рига и сѣновалъ. Изъ сѣней дома, гдѣ отгорожена кухня, дверь ведетъ въ чистую, свѣтлую горницу, въ углу которой—кровать съ горой тюфяковъ и подушекъ, возлѣ двери въ стѣнѣ вдѣланъ шкафъ, въ которомъ аккуратно разставлена вся посуда; у стѣнъ — диванчикъ, стулья, одинъ или два стола и, какъ необходимая принадлежность всякаго дома, красивый и прочный сундукъ; на стѣнѣ-же висятъ часы, нарочно вывезенные изъ Пруссіи въ концѣ прошлаго столѣтія. Чисто вымытый деревянный полъ посыпанъ пескомъ. Послѣ этой горницы слѣдуетъ спальня, а далѣе бываетъ и еще комната, гдѣ хозяинъ, какъ и каждый колонистъ, занимается какимъ либо ремесломъ. Глядя на чистоту жилища, можно подумать, что колонисты только и занимаются, что моютъ, скоблятъ, чистятъ и полируютъ все въ домѣ. А между тѣмъ, съ ранняго утра они всѣ на работѣ. Утромъ, послѣ завтрака, состоящаго

изъ кофе съ молокомъ, нѣмецъ выѣзжаетъ въ своемъ дышловомъ фургонѣ въ поле на работу. Этотъ фургонъ устроенъ такъ, что можетъ быть обыкновенной телѣгой и тутъ-же превратиться въ повозку, на которой помѣщается три копны хлѣба. Всѣ земледѣльческія орудія у колонистовъ самыя усовершенствованныя и содержатся въ необыкновенной исправности; пашутъ-же колонисты лошадьми и лошади ихъ отличаются особой полнотой и выносливостью. Колонистки занимаются, огородомъ, молочнымъ хозяйствомъ, пахтаньемъ масла, выдѣлкою сыра, и молоко у нихъ всегда въ такомъ изобиліи, что имъ поятъ даже свиней. Сами колонисты только и ѣдятъ и пьютъ, что ветчину, картофель и молочный супъ съ вишнями, молочный супъ съ сушеными яблоками, молочный супъ съ грушами и наконецъ, молочный супъ съ картофелемъ. Колонисты ни рыболовствомъ, ни судоходствомъ не занимаются, но они съ успѣхомъ ведутъ шелководство, причемъ прекрасно разводятъ тутовыя деревья и каждый изъ колонистовъ особенно преданъ овцеводству. Одѣты они некрасиво. Женщины носятъ общипанныя ситцевыя платья, а выходя на улицу, надѣваютъ соломенныя шляпы. На самомъ же колонистѣ, богатомъ или бѣдномъ, табачнаго цвѣта фланелевая фуфайка, синяя засаленная куртка, изъ подъ которой выглядываетъ такой-же засаленный жилетъ, а тонкія, сухія ноги колониста облегаютъ узкія неуклюжаго покроя нитаны; носитъ-же онъ на ногахъ либо туфли съ деревянными подошвами, либо дегтемъ смазанныя

сапоги, а на головѣ картузъ съ аляповатымъ козырькомъ, или баранью шапку. Но поговорите вы съ этимъ всегда плохо бритымъ и плохо одѣтымъ колонистомъ о его достаткахъ, и окажется, что у него семьдесятъ пять тысячъ головъ овецъ—м е р и н о с о в ъ, изъ которыхъ каждая даетъ рубль дохода въ годъ, да около тридцати тысячъ земли собственной, кромѣ арендныхъ степей; и его Амальхенъ или Каролинхенъ привозитъ ежегодно изъ Одессы или Николаева сундуками золото за шерсть, сало, хлѣбъ, сбываемые заграницу. Колонисты, какъ поселились въ Новороссіи, стали первыми овцеводами;—это самая главная промышленность Новороссіи.

Породы новороссійскихъ овецъ, какъ были, такъ и до сихъ поръ,—частію заграничные, частію-же мѣстныя, степныя. Изъ мѣстныхъ больше всего разводится в о л о ш с к і я и собственно русскія овцы, а также порода ч е н т у к и. У волошской породы шерсть длинная и хвостъ толстый и длинный, въ нѣсколько фунтовъ жира; волошская овца крупнѣе русской и даетъ много сала и вкуснаго мяса; у чунтуковъ-же, которые принадлежатъ къ калмыцкимъ овцамъ, шерсть добротнѣе, кудрявѣе, а хвостъ короткій и тоже жирный, но раздвоенный. Изъ заграничныхъ породъ самая распространенная испанская, такъ называемые — м е р и н о с ы. Каждая овца даетъ ежегодно шерсть, затѣмъ приплодъ, а также молоко для особаго рода сыра—брынзы и наконецъ—навозъ, изъ котораго дѣлается лучшій кизякъ, употребляемый въ степяхъ на топливо. Шерсть продается въ трехъ

видахъ: грязная, прямо снятая съ животнаго, перегонная, снятая съ овцы послѣ перегона стада нѣсколько разъ черезъ рѣку или прудъ и мытая, которая моется въ особо устроенныхъ для этого шерстомойнахъ *).

Содержатъ большіе стада въ Новороссіи самымъ простымъ и дешевымъ способомъ. Для нихъ не строятъ особыхъ теплыхъ овчарень, не заготовляютъ корма; овцы ходятъ по степи большую часть года. Лѣтомъ ихъ не загоняютъ въ овчарни ни ночью, ни въ полдень во время жары; зимою же ихъ держатъ и кормятъ въ хлѣвахъ только въ непогоду, или когда степь бываетъ покрыта глубокимъ снѣгомъ. Главная забота хозяина-овцевода, чтобы у овецъ было побольше пастбища. Съ этой цѣлью онъ мѣняетъ его постоянно: въ началѣ весны стада овецъ (отары) переходятъ съ перваго пастбища на отаву—лугъ, съ котораго убрано сѣно; съ отавы на жниво по уборкѣ хлѣбовъ, удаляясь такимъ образомъ все болѣе и болѣе отъ зимнихъ овчарень; съ наступленіемъ же зимы около овчарень остается вслѣдствіе этого, нетронутое за лѣто, и зимнее пастбище. Въ овчарни загоняются стада только зимою на ночь да во время метелей. При пастьбѣ стадо съ вечера пасется по направленію къ мѣсту водопоя, и, подвигаясь во всю ночь впередъ, къ утру должно быть на мѣстѣ водопоя. Послѣ водопоя овцы снова пасутся, а въ жаркое время дня, въ

---

*) Самыя большія шерстомойни на устьяхъ Днѣпра въ Херсонѣ.

полдень, лежать или стоять сбившись въ кучу и наклонивъ головы. Послѣ полудня снова они пасутся, отдаляясь отъ мѣста водопоя. Впереди стада всегда идетъ атаманъ пастуховъ, или, чабановъ, какъ ихъ называютъ въ Новороссіи, за нимъ нѣсколько козъ, а потомъ и самое стадо, по сторонамъ котораго медленно двигаются и прочіе чабаны, сзади-же стада пастухъ—кашеваръ съ собаками, особая лохматая порода которыхъ, очень злая и большого роста, называется овчарками. Когда стадо останавливается на отдыхъ въ полдень или ночью, кашеваръ помѣщается съ возомъ въ серединѣ его, а чабаны съ собаками вокругъ стада. Чабаны, также бездомны и также одѣты, какъ и ихъ овцы: на нихъ штаны изъ овчины, такая-же куртка и такая-же шапка. На телѣгѣ, запряженной парой воловъ, они возятъ съ собой всѣ припасы для ѣды, а также котлы и кизякъ. Стадо въ двѣ и три тысячи овецъ стерегутъ пять, шесть чабановъ, и эти чабаны,—это, конечно, не больше, какъ сторожа, а не какіе-либо овцеводы, которые-бы знали правильный уходъ за овцами. Но старымъ чабанамъ извѣстны разныя простыя средства лѣченія овецъ, и они хорошо также умѣютъ стричь или снимать шерсть съ овцы; и смѣлый, рѣшительный чабанъ, съ привычками къ степнымъ особенностямъ, весьма цѣнится хозяевами. Онъ съумѣетъ сохранить стадо отъ степного пожара и отъ степной метели. Пожаръ въ степи бываетъ очень силенъ, и распространяется такъ быстро по засохшимъ

травамъ, что можетъ неожиданно охватить все стадо. Онъ перебирается по сухой травѣ, то тлѣя, то вспыхивая, какъ свѣчка, и столбъ чернаго дыма встаетъ, растетъ, движется, пока не встрѣтитъ какой-либо преграды. Чабанъ, замѣтивъ этотъ столбъ, или огонь, не теряя времени, самъ зажигаетъ степь не далеко отъ стада, по вѣтру такъ, что въ одно время стадо находится между двумя огнями: но, когда выгоритъ извѣстное пространство, чабанъ ни мало не медля, перегоняетъ стадо на выжженный имъ участокъ и такимъ образомъ спасаетъ стадо, такъ какъ пожаръ, дойдя до выжженнаго мѣста, останавливается. Во время же зимней сильной вьюги опытный чабанъ также не растеряется: онъ предвидитъ ее заранѣе, и, если стоитъ со стадомъ въ открытой степи, то спѣшитъ поскорѣе добраться до какого нибудь хоть непокрытаго загона. Тутъ, въ загонѣ во все время вьюги чабаны гоняютъ стадо по загону, чтобы такимъ образомъ овцы сваливали съ себя, падающій на нихъ снѣгъ, и утаптывали его подъ своими ногами. Иногда случается, что овцы подъ конецъ вьюги достигаютъ спиною до самаго верха земляной стѣны загона, имѣющей высоты до двухъ аршинъ. Но такъ какъ зимою овцы чаще всего пасутся по близости овчаренъ, то въ этихъ послѣднихъ они совсѣмъ защищены отъ вьюгъ. Овчарни въ Новороссіи строятся хотя и не изъ камня, но плетенки изъ лозы и камышевыя стѣнки, хорошо обмазанныя глиной, достаточно крѣпки и стойки. Обыкновенная овчарня

состоитъ изъ обстроеннаго кругомъ четыреугольника съ соломенной крышей, внутри котораго дворъ, и съ двухъ, одна другой противоположныхъ сторонъ, широкія ворота. Есть овчарни кое-гдѣ и каменныя изъ камня известняка, или же жженаго воздушнаго кирпича, но таковыя попадаются не часто.

Такъ свободно по новороссійскимъ степямъ бродитъ болѣе трехъ милліоновъ овецъ, и степь богата ими также, какъ и пастбищемъ и какъ въ иной годъ на распаханныхъ земляхъ хлѣбомъ, ради котораго тяжелый плугъ бороздитъ все болѣе и болѣе тучныя степныя равнины. Но для хлѣба надо много рабочихъ рукъ, и бываетъ, что урожай такъ силенъ, что покроетъ два три неурожайныхъ года, но иной годъ то пропадетъ онъ отъ засухи, то опустошатъ его суслики, то истребитъ саранча. Засухи въ степи явленіе весьма заурядное, но случаются такія засухи, что ручьи отъ невыносимыхъ жаровъ исчезаютъ, источники изсякаютъ, а раскаленная земля трескается и травы гибнутъ, о хлѣбѣ-же и говорить нечего. Скотъ при такомъ несчастьи, не находя обычной пищи, ѣстъ камышъ, бурьянъ; но такія засухи рѣдки. Хлѣбъ чаще и больше всего страдаетъ отъ сусликовъ и саранчи. Суслики, или о в р а ж к и,—это небольшіе звѣрки пепельнаго цвѣта, величиной въ небольшую крысу. Они строятъ себѣ въ землѣ весьма удобныя норки съ тремя отдѣленіями,—одно для зимы, другое для лѣта и третье для корма. Они истребляютъ, какъ созрѣвшій, такъ и

не созрѣвшій хлѣбъ сотнями десятинъ. Картина истребленія хлѣба сусликами просто поразительная. Въ знойный полдень вы ѣдете по степи и самихъ сусликовъ не видите, а слышите только свистъ ихъ въ тысячѣ отдѣльныхъ мѣстъ по желтѣющимъ нивамъ. Присмотритесь и тогда замѣтите, какъ въ гущинѣ колосьевъ нѣкоторые стебли, подсѣченные на вершокъ отъ земли зубами суслика, склоняются, будто отъ вѣтра, и падаютъ. Суслики выбираютъ изъ колоса зерно и, держа его во рту, съ раздутыми щеками, бѣгутъ въ норы, гдѣ зерно и прячутъ. Прежде думали, что суслики не переплываютъ большихъ рѣкъ, но потомъ увидѣли, какъ они цѣлыми стадами переходили Донецъ и другія рѣки. Средствъ для ихъ истребленія не находятъ и до сихъ поръ. Они весьма быстро плодятся,—одна пара овражковъ даетъ дѣтей три раза въ лѣто. Ихъ пытались выводить, засыпая пескомъ и забивая клиньями норы, отъ чего звѣрки спасались другими, незримыми въ травѣ, ходами; пробовали удушать ихъ ѣдкимъ дымомъ; и это не помогало; выливали водой, которой въ степи мало, обваривали кипяткомъ; но такъ таки ничего и не добились, что бы уничтожать то множество, которое годъ отъ года все увеличивается и распространяется.

Есть однако и еще болѣе страшный бичъ въ степи для хлѣба,—это саранча. Она надвигается всегда на степь точно грозовая туча. Видна она подъчасъ на горизонтѣ полосой верстъ на восемь, на десять, и сперва будто стоитъ на одномъ

мѣстѣ, но потомъ отъ нея отдѣляются маленькія летающія облачка, а черезъ нѣсколько минутъ и самая туча станетъ колебаться, станетъ подходить все ближе и ближе и затѣмъ вдругъ заслонитъ собою даже солнечный свѣтъ. Въ воздухѣ раздается въ это время глухое карканье и крики: тысячи хищныхъ птицъ, воронъ, галокъ, ястребовъ носятся надъ полями и бросаются на саранчу. Воздухъ точно весь усѣянъ точками, рябитъ даже въ глазахъ, и когда туча совсѣмъ надвинется, то солнце сразу точно померкнетъ, скотъ реветъ, лошади подымаются на дыбы, мѣчутся, а изъ подъ колесъ возовъ слышится хрустѣнье и трескъ давимой саранчи. При видѣ этой бѣды, изъ деревень бѣгутъ въ поле женщины, дѣти съ серпами, съ разною домашнею утварью; они стучатъ, кричатъ; бѣгутъ и мужики что есть силъ съ косами на плечахъ, чтобы поскорѣе что либо скосить; поспѣшаютъ крестьяне и изъ другихъ деревень на помощь; и телѣги такъ наполнены народомъ, что оси дымятся и гнутся. Борьба однако съ саранчею трудна. Прежде стрѣляли изъ ружей, изъ пушекъ въ надвигавшуюся тучу, выкапывали глубокіе рвы, загоняя въ нихъ саранчу, выкуривали ее, выжигали, но все напрасно. Поле, гдѣ сядетъ саранча, быстро опустошается все до тла; саранча не оставляетъ ни одного стебля. Когда-же пройдетъ или перелетитъ страшная туча, то остающіяся части ея покрываютъ обыкновенно дороги, мосты, деревья, тростники и даже воду въ прудахъ и озерахъ. Изъ тростниковъ подыма-

ются тогда тысячи незамѣтныхъ прежде, водяныхъ птицъ, - утокъ, водяныхъ ласточекъ, а за ними являются также соколы, ястреба, вороны скворцы, и всѣ они съ жадностью бросаются на богатую добычу. Тѣмъ не менѣе всѣ такія уничтоженія саранчи, какъ и уничтоженіе ее животными, особенно свиньями, ничто, разумѣется, передъ тѣми сотнями милліоновъ, какіе летятъ и съѣдаютъ поля. Самое однако гибельное зло причиняется не этими летящими тучами саранчи, ищущей хорошихъ мѣстъ для своихъ яицъ, гдѣ-бы ихъ выводки или личинки, когда явятся изъ яйца на свѣтъ, могли найти достаточно пищи. Отъ личинки и поле, и степь стонутъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней; такого множества насѣкомыхъ рѣшительно невозможно себѣ представить. Прожорливость ихъ опять таки превосходитъ всякое описаніе: они ѣдятъ траву, хлѣбъ, репейники, листья, молодую кору, картофель, бобы, лукъ, даже платье, полотно; скачутъ, и двигаются съ удивительною силою и настойчивостью. Ихъ не остановитъ ничто; они пластами переплываютъ рѣки, вползаютъ на дома, погашаютъ массою своихъ тѣлъ огонь; и видъ этой путешествующей личинки еще ужаснѣе тучи летящей саранчи. Колонисты изобрѣли особую машинку, саранчеловку, съ помощью которой кое-какъ уничтожаютъ личинку и хоть немного, но спасаютъ свои поля. Понятно, что со временемъ найдутъ способы избавленія отъ такихъ бичей природы; такъ какъ тучныя пажити въ Новороссіи съ каждымъ годомъ растутъ и

ростутъ, дѣлаются больше и обильнѣе. Одно горе, что и теперь еще не хватаетъ для этихъ нажитей рабочихъ рукъ. И теперь идутъ въ Новороссію на хорошій заработокъ крестьяне изъ дальныхъ и окрестныхъ губерній, идутъ на косовицу, на уборку хлѣба, на рѣчныя и морскія рыбныя ловли и на всякіе другіе промыслы.

Едва наступитъ весна, огромными артелями со всѣхъ концовъ Россіи двигаются по большимъ и малымъ дорогамъ, съ косой и серпами за плечами, парни и дѣвушки, нанимаясь по пути въ косари и гребцы. Иной разъ цѣлыя села идутъ босикомъ по пыли и духотѣ. Отдѣльныя артели сливаются въ отряды и заполняютъ собою слободы, города и безлюдныя степи. То тамъ, то тутъ начинаютъ бѣлѣть ихъ рубахи и блестѣть на солнцѣ ихъ потертые косы и серпы. Тутъ и вольные крестьяне съ билетами, и малороссы, и русскіе, и казаки, а прежде были помѣщичьи крестьяне съ паспортами и разный другой людъ.

Этотъ разный другой людъ по преимуществу были чисто бѣглые; то есть бѣжавшіе отъ лихихъ помѣщиковъ, отъ судовъ и отъ всякой иной тяжелой и бѣдственной жизни. Притонами бѣглыхъ, — были шинки зажиточныхъ слободъ и одинокіе степные постоялые дворы. Проѣзжая въ праздникъ по слободѣ, еще издали слышится громкій говоръ народа у шинка. Толпа стоитъ передъ шинкомъ вплоть до церкви, какъ на торгу.

Отдѣльныя кучки видны по сосѣднимъ переулкамъ, сидятъ подъ плетнями, или идутъ рѣшать дѣло еще далѣе на выгонъ, за село, чтобы не было свидѣтелей. Въ общей толпѣ тутъ-же расхаживаютъ помѣщики, прикащики; они перебиваютъ другъ у друга рабочихъ надбавкой цѣны. И каждый, конечно, старается нанимать бѣглыхъ за дешевую плату. И громадныя ватаги косарей и гребцовъ изъ бѣглыхъ, человѣкъ въ триста и четыреста, работали по быстро косимымъ ими степямъ. Сами-же помѣщики, кто верхомъ, въ широкой бердянской или одесской соломенной шляпѣ, кто пѣшкомъ съ плеткой усердно ходили среди артелей и зорко поглядывали по сторонамъ, подмѣчая либо залѣнившагося косаря, либо гребчиху. „Эй, хлопцы! эй, дивчата!“ покрикивали паны, помахивая плеткой и ведя по зноемъ паляницимъ равнинамъ бѣглыя рабочія ватаги. „А нуте, постарайтесь! а нуте разомъ, разомъ, разомъ! дружнѣе! Котелъ каши съ саломъ, два ведра водки лишнихъ на магарычи! А нуте-же, нуте!“ И сотни обѣленныхъ бурьянами кось дружно и мѣрно сверкали: сотни грабель взбивали и складывали въ копны душистое, мягкое и нѣжное зеленое сѣно. А среди поляны стояли косарскіе и гребовицкіе таборы.

Косовица во всемъ ходу, въ полномъ разгарѣ. У привала дымится изъ навознаго кирпича (кизяка) костеръ. Громадная фура открывается и закрывается, подвозя соль и рыбу отъ хозяевъ. Нѣсколько бо-

чекъ едва успѣваютъ подвозить къ таборамъ воду изъ дальнихъ колодцевъ. Выпекаютъ въ хозяйскихъ хуторахъ, въ особенныхъ печахъ, и въ сутки съѣдаютъ по триста и по четыреста хлѣбовъ на одномъ полѣ, у одного хозяина. Изъ городовъ подвозятся мѣшки и мѣшечки на тысячи и болѣе серебромъ мелочи. Нанимаются артели въ десятки и сотни человѣкъ понедѣльно. Расплата производится по субботамъ. Наморившіяся, загорѣлыя и запыленныя дѣвушки и бабы сидятъ въ тѣни, гдѣ нибудь подъ панскимъ заборомъ или подъ конюшнею, не распѣвая пѣсенъ и не шумя въ ожиданіи разсчета. А сами помѣщики или ихъ прикащики ведутъ расчетъ на крылечкѣ. Одной партіи—триста цѣлковыхъ, другой сто, той опять двѣсти. Кости на щетахъ только и щелкаютъ а перо тутъ-же записываетъ сказочные лѣтніе новороссійскіе стешные расходы. Съ бѣглыми вести дѣло было легко: бѣглый и за работу бралъ меньше паспортнаго и обсчитать его легче.—не пожалуется, а развѣ выругаетъ только не по человѣчески гдѣ либо за околицей хутора, да поплачетъ втихомолку. Поэтому-то бѣглыхъ и откупали отъ ловли ихъ властями и прятали у себя сами же помѣщики. Уходя изъ шинковъ, послѣ разсчета, бѣглые пѣвали свои особыя пѣсни въ родѣ такихъ:

„А въ недѣлю рано
Наймемусь до пана;
Рано, пораненьку,
Хочь и въ Макареньку...

Или-же:

„Чужи паны, якъ пугачи,*)
Держуть людей до пивночи,
А нашъ соловейко
Пускае раненько;
Дае водки и грошей—
Спаси его Боже!
Дае борщу и каши—
Отто паны наши!..
Дае не жаліе—
Всякъ его радіе!..“

Наступала осень и бѣглые, съ полей переходили къ неводамъ на рыбныя ватаги, гдѣ уже по густымъ камышамъ и слѣдъ ихъ простывалъ. Они также, какъ и птицы вольныя, двигались осенью южнѣе, въ то время, когда ихъ товарищи по работѣ—наемныя артели, удалялись опять въ свои страны на Сѣверъ. Степь пустѣла, и только еще шелъ дымокъ кое гдѣ отъ куреней на бахчахъ, которыя залегаютъ въ степи на большія пространства. Тутъ, на бахчахъ, гдѣ посѣяны арбузы, дыни, тыква, кукуруза, подсолнечники, морковь, горчица, макъ,—тутъ уже немного надо народа для уборки. Трава кругомъ желтая, серебристый ковыль волнуется широкимъ озеромъ; птицы вывели въ травяной глуши свою молодую семью, и учатъ дѣтей летать и слетаются въ стада; полдень еще зноенъ, но утро и вечеръ прохладны, воздухъ замѣтно сухъ и день становится

---

*) Пугачъ—ночная птица.

короче. Солнце, слегка будто отуманенное, горитъ въ полдень по лѣтнему, но паутина летитъ во всѣ стороны. По пустыннымъ пажитямъ ходятъ стаями дрофы, гуси, точно овцы, темносѣрыми отрядами пасутся по оголеннымъ пустынямъ, а въ небѣ кричатъ журавли, производя свои воздушные смотры и разводы подъ облаками, свертываясь въ треугольники, или развертываясь въ длинныя подвижныя, необозримыя вереницы. Иной разъ они летятъ по часу и по два, застилая небо. Тутъ же по опустѣлымъ степямъ и разная мелкая птица ходитъ,—стада дроздовъ, а у взморья собираются тысячами птицы, и одно стадо поджидаетъ другое; и одно за другимъ улетаетъ зимовать на чужбину въ теплыя страны.

Но чуть осенью размокропогодитъ въ степи, то есть пойдутъ дожди, — трудно себѣ и представить, какъ вдругъ изъ красивой золотистой пустыни, степь преображается въ мертвую однообразную равнину. Измокли овцы и уже не кричатъ; въ посинѣломъ бурьянѣ лежатъ замытые дождемъ быки, бахчевникъ засѣлъ въ шалашъ и сидитъ тамъ, какъ заяцъ подъ лопухомъ; схоронилась и всякая птица, только грачи разлетѣлись на версту среди плавающей въ грязи степи. И грязь эта жидкая, липкая, колеса, облѣпленныя ею, не катятся, а ползутъ какъ санныя полозья; волыже на каждомъ шагу останавливаются, по брюхо въ грязи, будучи не въ силахъ подымать ноги, они ревутъ, а то и просто отъ безсилія падаютъ; и, Боже

избави попасть проѣзжему въ такое время на степныя грязныя дороги; иной разъ шестерня не вывозитъ самый легкій экипажъ, а, если и тащитъ его, то дѣлая полторы или двѣ версты въ часъ.

Въ такое-то, вотъ время степь становится совсѣмъ уже какъ-бы дикая пустыня: тутъ не попадутся нигдѣ даже и бѣглые, которыми такъ еще недавно кишѣли всѣ поля и пажити, и которыми, какъ говорится въ Новороссіи, земля здѣсь стала. Въ настоящее время, конечно, нѣтъ уже этихъ бѣглыхъ; послѣ освобожденія крестьянъ они совсѣмъ перевелись; кто ушелъ на родину, кто прикрѣпился къ какой либо землѣ на мѣстѣ, гдѣ работалъ, кто разбогатѣлъ, или сдѣлался вольнымъ ремесленникомъ. Теперь идутъ въ степь одни законные паспортные рабочіе, но все таки пришлые, такъ что осенью, когда уйдутъ они, то все уже разбредется по деревнямъ и слышится только по хуторамъ стукъ цѣповъ на токахъ. Всѣ богатства степи тутъ переходятъ изъ рукъ въ руки по ярмаркамъ да по торговымъ путямъ.

Въ настоящее время, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ по степямъ и съ устройствомъ рѣчныхъ пароходствъ, богатства степи ростутъ изо дня въ день; и какъ прежде колонисты и разный пришлый народъ раздѣлывали степи подъ

пажити, такъ теперь разные иностранныя компаніи, при открытіи въ степяхъ подземныхъ богатствъ, добываютъ прекрасную желѣзную руду и каменный уголь. Вся степь обладаетъ огромными подземными богатствами; и, когда явится предпріимчивость, явятся рабочія руки, богатства степей окажутся неисчислимы. Земля степи, скажемъ въ заключеніе, стала бѣглыми, а подземныя богатства ея разработаются машинами.

КОНЕЦЪ.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ ——— 1979г.